

Оле-Лукойе: „Можете называть меня старым ворчуном, а мне этот американский фильм, хотя он и был показан на фестивале, совершенно не понравился. Грохот, какие-то нехорошие слова, и – как это у вас называется? – наркотики?.. Герой мечется по сцене и по жизни как затравленный волк. И непонятно: он злодей или просто сбился с пути? А этот индейский шаман, который ему постоянно мерещится, – он добрый волшебник или злой? Во всем этом просто невозможно разобраться, потому что действие летит, как гусь перелетный на низкой высоте. То ли дело мои сказки: все сразу понятно – кто есть кто, кто с кем и за что борется. Я бы про эту картину вообще ничего хорошего не писал. А ты – как хочешь”.

Я: Оле, ну нельзя же отвергать то, что тебе просто не понятно. Рискнув получить от тебя за это подножку, скажу: фильм – замечательный. Он воистину музыкальный, и при этом – философский. В средние века режиссера за такую картину непременно сожгли бы на костре. Дотла.

Оле: Нет, это уж чересчур.

Я: Понимаешь, он еретически обращается через этику христианства к формам дорелигиозного сознания, когда поведение человека было суть любопытство по большому счету и исходило из инстинктивных потребностей. Ты понял меня?

Оле: Все это заумь и муть.

Я: Ну хорошо. Тогда это по-молодому дерзкий фильм, стремящийся к сверхощущениям. Его можно назвать бунтарским не в смысле политическом, а в смысле человеческих возможностей. И даже гибель главного героя, умирающего от спиртного и наркотиков, – все равно победа, потому что вся его жизнь – поиск и движение, а не повторение общепринятого, к чему его постоянно пытаются склонить.

Оле: И все равно ты не прав, потому что я с тобой не согласен.